

ЭПИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ВОИНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЭРИХА МАРИИ РЕМАРКА И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аманова Юлдуз Хуррамовна

Преподаватель Термезского государственного университета

Аннотация. В статье рассматривается Эпическая интерпретация психологии воинов в художественной литературе (на примере творчества Эриха Марии Ремарка и узбекской литературы). Концепт «враг в романах времен эмиграции распространяется исключительно на персонажей, связанных с нацистской Германией.

Ключевые слова. Ремарк, пример, эмиграция, связь

EPIC INTERPRETATION OF THE PSYCHOLOGY OF WARRIORS IN FICTION (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF ERICH MARIA REMARQUE AND UZBEK LITERATURE)

Amanova Yulduz Khurramovna

Lecturer at Termez State University

Annotation. The article deals with the epic interpretation of the psychology of warriors in fiction (on the example of the work of Erich Maria Remarque and Uzbek literature). The concept of "enemy" in the novels of the emigration period applies exclusively to characters associated with Nazi Germany.

Keywords. Remarque, example, emigration, communication

Подобный перенос центра тяжести на значение «идейный враг» имеет и личные, биографические основания. Рано столкнувшись с фашизмом, а затем эмигрировав из Германии, писатель переживал время тяжелых разочарований, крах послевоенных иллюзий и духовный кризис (так как многие из его соотечественников поддерживали гитлеровскую клику). В дальнейшем это нашло отражение в романах «Искра жизни», «Время жить и время умирать»

и др. В эмигрантских романах реализующий концепт «враг» фрейм борьбы, сражения, битвы сменяется фреймом бегства-преследования. Герои пытаются скрыться от наступающего на Европу нацизма. Ассоциативное поле концепта представлено в большей степени на уровне системы персонажей (как правило, представителей нацистского общества Германии) и на лексическом уровне. Нацисты в полной мере персонифицируют значение «идейный враг». Значение же «военный противник» представлено в некоторых случаях бывшими противниками главных героев Ремарка в первой мировой войне: русские эмигранты, французы, англичане и др. Ремарк ставит этих людей, которые сражались друг против друга, в новую послевоенную ситуацию, делая их нередко друзьями или товарищами по несчастью. Их объединяет общая горькая эмигрантская судьба и общая ненависть к тоталитаризму на родине. Ремарк не делает большого различия между режимом Гитлера и тоталитарным обществом Сталина. «Свою у писателя ассоциируются уже не столько с соотечественниками, сколько с такими же эмигрантами, как они сами, а под «чужими» понимаются немцы, которые связаны с нацистской идеологией. Особое положение в интересующем нас контексте занимает роман «Время жить и время умирать». Его герой -солдат вермахта Гребер - погибает от рук тех, кому он в глубине души сочувствует. Этот эпизод трактуется критиками как своего рода жертвоприношение, как искупление Гребером общей, коллективной вины Германии и как некий очистительный трагический катарсис. На наш взгляд, у этого романа иной смысл. Гибель Гребера является иллюстрацией трагической судьбы ремарковского «абстрактного гуманиста» при столкновении двух одинаково беспощадных идеологий, двух не признающих жалости тоталитарных систем. При всей исторической правоте СССР как обороняющейся стороны Ремарк находил и в русских персонажах неприемлемый для своей политической позиции фанатизм и нравственную, идеологическую ограниченность. Гуманистам Ремарка не было места ни в гитлеровской Германии, ни в сталинском Советском Союзе. Даже вынужденное убийство в условиях фронта (в

ситуации выбора: убить или быть убитым самому) дается невероятно тяжело и отягощает совесть на всю дальнейшую жизнь, даже если это убийство несомненного «Идейного врага» (например, Хааке в «Триумфальной арке»). Главным же быт упрек в несовместимом с классовой моралью «абстрактном гуманизме» (К. Радек, Е. Книпович, В. Кнрпотин и др.). Даже благожелательно настроенные критики {например, И. Фрадкин) опасались касаться этой практически запретной темы, предпочитая говорить о мужестве героев Ремарка, их фронтовом товариществе, разбитых мечтах, неудавшихся судьбах или выдающемся мастерстве писателя в изображении батальных сцен. Тема идеологического зомбирования и фанатизма (концепт «враг») упорно замалчивалась. Иначе пришлось бы говорить о Ремарке не только как о баталисте и антифашисте, но и как о противнике тоталитаризма в любой его форме: национальной, классовой и религиозной. Иными словами, официальная позиция в отношении писателя, а другой в советской печати быть практически не могло, страдала односторонней, непоследовательной и противоречивой оценкой. Первыми нарушителями официальной критической установки стали представители новой литературной волны «лейтенантской» или «окопной» прозы 1950-60-х годов. Исходя из классовой идеологии и морали, из партийных директив {«кто не с нами, тот против нас»), история страны и недавняя война изображались в черно-белых тонах, в биполярных контрастах. Искусство, полностью подчиненное государству, функционировало как жесткая система, одной из главных задач которой было воспитание читателя и его социокультурная адаптация к жизни в условиях идеологического регламента (тоталитаризма). Вольные мысли и сомнения рассматривались как некий подрыв устоев, который по определению не мог быть свойственен советскому человеку. В таких обстоятельствах память о катастрофических событиях первых лет войны, ставшая глубинной частью народного сознания, долгое время не могла прорваться на поверхность и найти отражение в литературе. Концепт «враг» носил лишь схематичный, стандартный и официозный характер. Первой попыткой частичной либерализации и

перенастройки социальнополитического пространства (идеологически, экономически, культурно) стала, как известно, хрущевская «оттепель» конца 1950-60-х годов. Искусство получает некоторые новые возможности, а его статус и влияние резко возрастают. Издательская политика в отношении западной литературы становится несколько либеральнее, советскому читателю открывается доступ к произведениям иностранных авторов, в том числе Ремарка. Вокруг его романов сразу же разгораются ожесточенные споры. В такой атмосфере книги Ремарка увлекают творческую молодежь. Для целого ряда начинающих писателей он становится примером честного изображения современной войны и подлинного гуманизма. Как правило, это были люди, сами прошедшие недавнюю войну и теперь работавшие над первыми книгами о ней: В. Некрасов, Г. Бакланов, К. Воробьев и др. Вскоре за этими книгами закрепится определение «лейтенантская проза». Традицию «окопного романа» и изображения войны с точки зрения ее рядового участника продолжила целая группа новых фронтовиков. Им также, наряду с отечественной традицией (Л. Толстой, В. Гаршин и др.), во многом оказались близки представители «потерянного поколения», а среди них чаще всего Ремарк. Его романы привлекали защитой общечеловеческих ценностей, правдивым изображением современной войны и духом фронтового братства. Не подвергавшийся сомнению и обсуждению в советской литературе концепт «враг» становится более вариативным. В произведениях некоторых представителей «лейтенантской прозы», как правило, проводится различие между убежденным, истинным врагом (значение ((идейный враг)) и простым немцем (значение «военный противнику»). Враг в силу обстоятельств (значение ((военный противник)) становится главным, так как основная часть повествования происходит на фронте и соответствует основным фреймам (сражение, борьба, атака, налет). Под зеленой формой солдата вермахта при ближайшем рассмотрении может оказаться человек с неоднозначной судьбой. Даже стилистически нейтральное слово «человею» при изображении противника в «лейтенантской прозе» употребляется значительно чаще, чем в

литературе сталинского времени. Возникают немыслимые ранее мотивы жалости, сочувствия по отношению к убитым или пленным, ожидающим расстрела противникам. Герой повести В. Кондратьева «Сашка» вступает за пленного и предотвращает жестокий самосуд. В другом эпизоде (в рамках фрейма прямого контакта с врагом) его героиня с жалостью смотрит на труп совсем юного немецкого солдата («бедный мальчик»). У Г. Бакланова практически отсутствует привычная негативная лексика при описании пленного. Еще острее эта ранее невозможная в литературе психологическая раздвоенность переживается героями В. Гроссмана в романе «Жизнь и судьба». Сильнейшим в этом смысле является в романе эпизод с укрывшимися в убежище во время мощного артиллерийского обстрела двумя советскими бойцами и пожилым немецким солдатом.

1. Похаленков О.Е. К вопросу о литературных связях немецкой и русской советской литературы (на примере романов о войне Э.М. Ремарка и В. Некрасова) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. No 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С.118-122. (0,3 п.л.)
2. Похаленков О.Е. Проблема «ремаркизма») в творчестве русских писателей-баталистов 1950-1960-х годов // Известия Смоленского государственного университета. 2010. No.3(11). С. 74-80. (0,4 п.л.)
3. Похаленков О.Е. Ремарк и советская «лейтенантская» проза 1950-60-х годов // Scripta mament: сборник научных работ студентов и аспирантов-филологов. Смоленск: СмолГУ, 2008. Вып. XV. С. 31-38. (0,5 п.л.)
4. Похаленков О.Е. Литература «потерянного поколения» и советская «окопная проза» 1950-60-х гг. // Язык и межкультурная коммуникация: материалы V Межвузовской научно-практической конференции, 24-25 апреля 2008 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. С. 315-317. (0,2 п.л.)